

Секреты
женского счастья

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкава

Злодейка-любовь,
или Зов Сирены

Р О М А Н

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Ранее книга издавалась под названием «Зов Сирены»

Колочкова, Вера.

К61 Злодейка-любовь, или Зов Сирены : роман / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-095442-1

Берегитесь женщин, разбивающих сердца! Да, они красивы и соблазнительны, а их ласки прекрасны... Прекрасны и опасны, как песни Сирен. К сожалению, это не сразу понял Митя — положительный во всех отношениях парень, надежный и пылкий. Его новая любовь, Вика, как настоящая искусительница, коварна и безжалостна. Словно мифическая Сирена, она удерживает его в своих объятиях крепко и уверенно, обещает рай... Но не окажется ли ее рай адом? Или все же у Мити есть еще возможность спастись?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-095442-1

Был я столько раз так больно ранен,
Добираясь до дому ползком,
Но не только злобой протаранен —
Можно ранить даже лепестком.

Ранил я и сам — совсем невольно
Нежностью небрежной на ходу,
А кому-то после было больно,
Словно босиком ходить по льду.

Евгений Евтушенко

Анна стояла у окна, смотрела, как Митя идет по двору к машине. Как старательно обходит лужи, коварно занесенные желтыми кленовыми листьями; сама вчера, не учуяв коварства, угодила замшевой туфлей в лужу. Пропали туфли, зараза. Очень уж ловкие были, учительские. Сочетали в себе удобство и достоинство. Весь день рыскаешь по школе, потом в транспорте пять остановок едешь, потом еще в магазин, и ноги — хоть бы хны... Жалко, да. Это еще поискать надо такие, постараться... Хотя чего она о туфлях! Бог с ними, с туфлями. Всегда почему-то в голову спасительная ерунда лезет, отгоняя тревожные мысли. Вот бы хорошо было и впрямь их отогнать... Не смотреть на Митю в окно, не вздыхать, не думать...

Спина у Мити была напряженной. И в том, как он обходил коварные лужи с листьями, тоже

ВЕРА КОЛОЧКОВА

чувствовалось напряжение излишней тщательности. Подошел к машине, открыл дверь, тяжело плюхнулся на водительское сиденье. Даже рукой не махнул привычно, хотя наверняка знает, что она стоит у окна.

Пропадает парень. Пропадает ни за грош, ни за копейку, пропадает на ровном месте. И ничем любимому пасынку не поможешь, можно только смотреть в окно да вздыхать. Беда, беда...

Какое, кстати, слово грубое — пасынок. И звучит отвратительно, как небрежное восклицание: па-сынок... Будто ударное «па» нагло плюет в лицо безысходностью — отделяй, дорогая, мух от котлет! Если не рожала, то и нечего к материнству привязываться! Хотя «мачеха» тоже звучит не сахарком и не белым хлебушком... Хлестко звучит, как пощечина. Мол, наизнанку честно любящим сердцем вывернись, а выше головы не прыгнешь. Злые слова, несправедливые, неправильные.

— Что, Митька ушел? Я слышал, как дверь хлопнула...

Анна ответила не сразу, будто не слышала. Проводила глазами выезжающую со двора Митину машину, откликнулась тихо:

— Да, Паш, ушел... Уехал только что...

И обернулась к мужу. Тот стоял в дверях кухни, потирал сонную вмятину на щеке, глядел страдальчески и в то же время с некой претензией на недовольство. Да, появился у него послед-

Злодейка-любовь, или Зов Сирены

нее время этот капризный промельк во взгляде... Будто она была во всем виновата. А может, и не было ничего такого, может, ей показалось. Пашу тоже можно понять — едва выкарабкался из предынфарктного состояния, а тут еще из-за сына переживай...

— Куда он поехал?

— К Денису.

— Чего ему там, у Дениса, медом намазано? У него, между прочим, дом есть... Вон комната своя... Зачем ты его отпустила?

— Ну, знаешь... Он не ребенок, чтобы его дома под юбкой удерживать. Он состоявшийся мужик.

— Да какой там состоявшийся! В чем состоявшийся? В том, что жену с ребенком бросил? Что с шалавой какой-то связался? И кому он чего доказал?

— Он никому ничего не доказывал, Паш. Он просто влюбился.

— Влюбился? И чем ему Ксюша плоха была, что он в шалаву влюбился?

— Значит, не получилось с Ксюшей. Значит, разлюбил. Или вообще не любил. Это не наше дело, Паша. Слишком тонкие материи, чтобы мы с тобой сейчас походя о них рассуждали.

— И все-таки? Вроде они любили друг друга! Если б не любили, не женились бы!

— Нет, Паша, не все так просто. Я думаю, Ксюша нашего Митьку сразу не любила.

— Вот те раз... А зачем тогда замуж шла?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну... Потому что наш Митя такой... Комфортный, что ли... Многие женщины по этому принципу замуж выходят, искренне полагая, что любовь тут совсем необязательна. А что? Митя добрый, покладистый, без вредных привычек... И внешне вполне себе симпатичный, и ростом высок, и сложен хорошо... Я думаю, он искренне Ксюшу любил, когда предложение делал. А как иначе? Мальчик, выросший в более-менее благополучной семье, всегда и все делает искренне, без оглядки на «вдруг не получится». Откуда у него эта оглядка возьмется? Все ж по плану — сначала счастливое детство, потом сразу институт, как сам само собой разумеющееся... А в институте поджидает судьба в образе девочки-студенточки, и тоже из хорошей семьи, и со своей установкой из этой семьи — пока учишься, мол, надо обязательно за хорошего мальчика замуж выйти, иначе потом не успеешь, разберут хороших, одна останешься...

— Ну... И что в этом плохого, не понимаю?

— Да ничего плохого, Паш. Разве я о плохом? Я ж о другом... Чего ты раздражаешься и меня перебиваешь?

— Извини, я не хотел. Ну, и что?

— А то... Вот они начинают встречаться, хороший мальчик и хорошая девочка. И все вроде бы замечательно — лекции, кафе, прогулки да плюс немного плотской любви, пока родители на даче... Но однажды беззаботная студенческая

Злодейка-любовь, или Зов Сирены

любовь упирается в девочкино как снег на голову: так люблю тебя, что замуж хочу и ребеночка от тебя хочу... И что остается доброму, честному и благородному мальчику? А ничего и не остается, как с головой окунуться в это «люблю, замуж, ребеночка». Нет, я не говорю, что это плохо! Все это прекрасно, конечно же, но... Жизнь все равно свое берет, раскладывает по полочкам. В общем, потом все получается как получается, резко и вдруг. Как гром среди ясного неба. Или опять же как снег на голову.

— Ну да... Эта Вика и явилась как гром среди ясного неба. Шалава... И откуда она только взялась? Говорил, говорил я ему! Но разве кто родителей слушает? Теперь болтается, как... Цветок в проруби... И ни там, и ни сям! Жил бы тогда с нами, чего по друзьям шататься! Мы ж ему не враги! Что уж теперь-то, после драки кулаками махать!

— Он не будет здесь жить, Паш.

— Да почему?!

— Потому что ему стыдно. Он же тоже... Все чувствует. И твой настрой чувствует.

— Хм... И какой же мой настрой, интересно?

— Настрой на неприятие и досаду, вот какой. Мите и самому от себя несладко, ты пойми... Он не хочет нас обременять...

— Ага. Натворил делов, а теперь — не хочет обременять. Забавно. Погоди, погоди... Еще пару деньков продержится и опять к этой шалаве по-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

бежит, поджав хвост... Заколдовала она его, что ли? Говорят, у нынешних девок модно по колдуньям да по знахаркам бегать. А наш и рад стараться, бежит. Куда наколдовали, туда и бежит. К шалаве! Как будто сам собой не управляет! Стыд смотреть.

— Паша, уймись. Прекрати, пожалуйста, я этого слушать не могу. Как ты можешь? Он же твой сын. Комментировать беду все умеют, для этого много ума не надо. Пусть чужие и комментируют, а тебе нельзя. Ты ему не чужой, ты отец.

— А я что? Я ничего... Просто мне больно, Ань. Очень больно. И за Митьку обидно. Ты пойми...

— Да я понимаю, Паш, понимаю. Ладно, прости. Не надо так нервничать, тебе нельзя. Чаю хочешь?

— Хочу...

И опять ей послышались капризные нотки в этом недовольном «хочу». И даже то, как Паша сел за кухонный стол, держась рукой за левый бок, и как старался «твердеть лицом», будто бы не давая ему отобразить происходящей в боку сердечной боли, казалось ей слегка нарочитым и чересчур выпуклым. А впрочем... Конечно, она не права. Устала, расстроена, раздражена. Тем более тема перенесенного Пашей инфаркта в доме не изжита, хотя пора уже... И по медицине, и по психофизике...

Злодейка-любовь, или Зов Сирены

Анна двигалась по кухне тихо, привычно. Заварила «сердечный» травяной чай, вдохнула знакомый аромат мяты, календулы и чуть-чуть солодки. Тот, конечно, еще ароматец... Не особо вдохновляющий. Но за компанию с Пашей сойдет. Может, после мяты удастся заснуть быстрее.

Павел глотнул из своей чашки, вздохнул тяжело, смиряясь с необходимостью пить «эту гадость». И устался поверх ее головы в заплывающее сумерками окно. Что ж, понятно. Супружеская беседа за вечерним чаепитием на этом иссякла. Да и бог с ней... Да и о чем еще? Все уже переговорено, перебеседовано и пережевано. И ничего этими беседами нельзя изменить... Ладно. Так даже лучше. Помолчим.

Анна искала глазами пульт, собираясь включить телевизор, пристроившийся в простенке между «парадными» посудными полками — в маленьком кухонном пространстве другого места ему не нашлось. Куда ж она сунула этот дурацкий пульт? Вечно в руки лезет, когда не надо! А когда надо...

— Не включай, Ань. И без того тошно.

— Хорошо... Как скажешь.

— Ань, вот ты мне ответь... Почему он такой, наш Митька? Почему он перед этой шалавой не устоял? Ну, погулял бы на стороне, если уж так приспичило... Зачем семью-то ломать?

— Он не виноват, Паш. Так получилось.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Не виноват, не виноват! Вечно ты его защищаешь! Что бы ни сделал — не виноват... Нет, ты скажи, а другие как? Почему, к примеру, я такой не был? Должна же быть у мужика ответственность за свои поступки! Когда его мать умерла, мне тоже тридцать было, как и ему сейчас... Но я ж только о нем и думал! Чтобы ему хорошо было, да как он без матери, да не дай бог обездолю... Да чтобы с мачехой не прогадать...

— Значит, ты меня, как женскую, отдельно взятую личность, совсем в расчет не брал, да? — спросила полушутливо, но и с явно обиженной нотой в голосе. — Только для Мити старался, да?

— Ой, да прекрати, Ань... — сердито, по-бабьи махнул рукой Павел. — Ну что ты опять ерунду несешь?.. Сама прекрасно знаешь, что это не так! Вы же с Олей, Митькиной матерью, ближайšie подруги были, ближе некуда... Сестры почти... Тем более Митька тебя с рождения знает... На ком я еще должен был жениться?

— Ну сам же сказал — боялся с мачехой прогадать... Значит, были варианты?

— Да мало ли, что я сказал! Не придирайся к словам. Я ж не о том... Нет, а ты что, серьезно? Ты что, правда обиделась?

— Ну... — неопределенно пожала она плечами, прокручивая в пальцах пустую чайную чашку.

— О господи... Этого еще не хватало. Прекрати, Ань! Прекрати немедленно, слышишь? Тоже нашла время...

Злодейка-любовь, или Зов Сирены

— При чем тут время или не время, Паш?

— Ну да. Это я не подумав ляпнул, извини. И остальное — тоже... Не бери в голову, Ань. И не думай даже. Митька тебе настоящий сын, давно все грани стерлись! Двадцать пять лет прошло! И ты была ему настоящей матерью... Была и есть... Да он тебя больше любит, чем меня! И я тебя тоже люблю... Тем более ты такая красавица... Была и есть...

— И тем не менее, Паша! Следи за своими словами, хорошо? Как говорит один мой знакомый пятиклассник — фильтруй базар, дяденька.

— Хорошо, Ань. Я понял. Я... Да, я буду фильтровать. Извини...

Анна мотнула головой — слегка, едва заметно. Можно было по-всякому растолковать ее жест — и как принятие извинения, и как обиженную задумчивость. Встала из-за стола, подошла к окну, сплела руки под грудью. Боже, как грустно все... Двадцать пять лет! Как быстро пролетело время! Можно серебряную свадьбу играть... А что? Можно было бы и сыграть, если бы не грустные семейные обстоятельства...

Она вдруг четко разглядела в темнеющем окне свое отражение. Мягкие, но хорошо выраженные черты лица, вздернутый вверх подбородок, твердая линия губ, строгая прическа училки, волосок к волоску, никаких легкомысленных вольностей. Хорошее отражение, пусть и обманное, растушеванное льстивыми сумерками. Как

ВЕРА КОЛОЧКОВА

сейчас Паша сказал? Ты такая красавица, мол, была и есть? Что ж... Ладно. Так и будем считать. И не будем добавлять — даже мысленно! — к слову «красавица» пресловутого придатка «стареющая». Потому что если добавлять, то придаток всю «красавицу» на себя перетянет, и сразу бросится в глаза то, чему бросаться не надо — и противная возрастная огузлость, и руки, некрасиво налитые и тоже огузлые, и плечи, и грудь... Ну, и талия, само собой. Никак не спрячешь этот неизбежный переход плавных женских линий к мужскому типу фигуры, будь он неладен. Засада, природный подвох. Нет уж, остановимся лучше на «красавице». Как говаривал незабвенный сатирик Аркадий Райкин: «Если меня в тихом месте прислонить к теплой стенке...» Да и зачем терзать лишними наблюдениями самооценку? Нельзя, нельзя. Вредно в ее возрасте...

Тем более нечего судьбу гневить, старость ее действительно пока жалеет. Подкрадывается, конечно, но весьма деликатно, почти дружески. Извини, мол, я тут должна чуть-чуть поработать... Переделать кое-где, внести небольшие правки, сама понимаешь. В межбровье глубокую морщинку изладить, пару лишних «гусиных лапок» подрисовать... Ну и в щеки чуть-чуть вялости, серой бледности... Вот и все, и хватит пока. Живи. Не обижайся, но по-другому нельзя. С другими-то я не деликатничаю, между прочим. На других

Злодейка-любовь, или Зов Сирены

отрываюсь так, что мама не горюй. А с тобою вон миндальничаю.

Она и не обижалась. Наоборот, приучала себя принимать внешние изменения с благодарностью. А куда деваться? Со старостью и впрямь дружить надо. Не шарахаться от нее в ужасе, а впускать в себя гостеприимно, привыкать мало-помалу. Хотя... Наверное, это все самоуспокоение... Как в той пугачевской разухабистой песенке: «Ты давился и икал, мал-помалу привыкал...»

— Ань... Ну что ты, ей-богу...

— Ммм?..

— Все еще сердишься, что ли?

— Да бог с тобой... Ерунда какая. Я уж забыла...

— А о чем думаешь?

— Да так...

— А я вот все думаю, Ань, как Митьке помочь... И не понимаю, хоть убей, как так получилось, что он голову потерял из-за этой... Этой... На «шалаву» ты обижаешься, а другого слова не могу подобрать! Нет, было бы из-за кого страдать, а? Ни кожи ни рожи, натура чисто стервозная... А вот поди ж ты! И откуда они берутся, такие? Ей-богу, собрал бы всех и к стенке поставил!

— Ну, сразу и к стенке... Ишь разошелся. Знаешь, как мой дед говорил? Каждой бабьей натуре свое место, свой мужик и свое занятие еще до рождения определены... Сколько на земле хороших и плохих занятий, столько и баб. Ни одно место